61049

Не выдается

СКАЗКА

ПРО ХАРЬКА,

основателя Харькова, про его дочь Гапку и батрака Якива.

Соч. В. Г. Масловича.

ПИСАНО ВЪ 1815 ГОДУ.

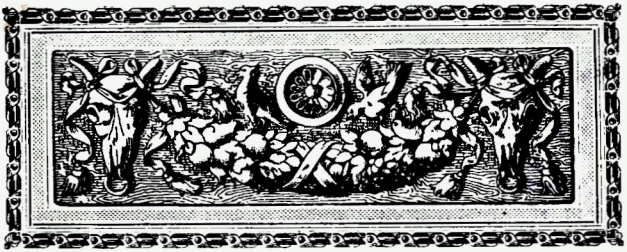
1074926

Изданіе Н. В. Масловича.

61049

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Адольфа Дарре, Рыбная ул., 28.
1890.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 20 февраля 1890 г.



„Имъ городъ Харьковъ населенъ—
„Онъ Харьковскимъ былъ первымъ паномъ".
(Изъ преданія о Харькѣ).

ЧАСТЬ I.

I.

Полтораста лѣтъ назадъ,
Стары люди говорятъ,
Подлѣ Лопани частенько
Яковъ съ Гапкой пѣлъ.

Гапка дочь Харька была
И красавицей слыла,
А Харько былъ первый житель
Въ Слободской странѣ.

Яковъ былъ Харька батракъ,
Парень бойкій не дуракъ,
И за то любимъ былъ Гапкой,
Словно братъ родной.

Можетъ быть, хотятъ друзья
Знать подробно отъ меня,
Что бывало Яковъ съ Гапкой
Межъ собой поютъ?

Вы хотите?—я готовъ
Разсказать вамъ ихъ любовь.
Ну, такъ сядемъ у камина,
Я начну разсказъ.

Чуть Харько куда уйдетъ,
Яковъ съ Гапкой тотчасъ вслѣдъ,
Кинувши свою работу,
Къ Лопани спѣшатъ.

Тамъ подъ старымъ дубомъ ставъ,
Нѣжно другъ друга обнявъ,
Грустно и почти сквозь слезы,
Жалобно поютъ:

Яковъ.

— Гапко, шо мени робыть?
Якъ съ тобою ризно жыть?
Я убога сиротинка
Полюбивъ тебе.

А Харько, твій панъ-отецъ,
Нашихъ не сплете сердецъ.
Якъ любовь мою пронюха,
Лихо буде намъ.

Гапка.

— Якивъ любый, не жалкуй,
Та Гапусю поцилуй;
Кто иміе добру душу —
Не богатъ хиба?

Розумъ мае кто, — здоровъ,
Мае кто таку любовь,
Якъ голубчикъ Якивъ мае,
Чи ще не богатъ?

Яковъ.

Та се такъ, та не совсимъ:
Кто богатый въ свити симъ,
Воливъ мае, та коровы,
Свиней, поросятъ. . . .

Шапку гарну, та жупанъ. . . .
Тотъ богатый, тотъ и панъ!
Ни, лебедеку-Гапуся,
Я не буду твій!

Гапка.

Я расплачусь, якъ мала. . . .
Колы хочь щобъ я жыла,
Такъ кажу моему Тату:
„Нехай Якивъ мій“!
Винъ за руки визьме насъ. . . .

Яковъ.

Винъ Гапуси скаже: зась!

Гапка.

Ни сего Харько не скаже,
Любе винъ дочку.

Яковъ.

Ни, Гапуся, не кажи,
Якива побережи.
Якъ Харько про се прочуха,
Скаже: геть съ двора!

Тогди Якивъ не борись,
По караси въ ричку лизь....
Ни, Гапуся, колы любишь,
Не кажи сего.

Будемъ житы якъ живемъ.
Колы можно однымъ днемъ
Заборить ризлуку нашу,
То и те гораздъ.

Гапка.

Гарно, Якивъ, не скажу.
Ось тоби шо докажу:
Колы не твоя я жинка,
Дивка цилый викъ!

Тутъ обнимутся тѣснѣй,
Поцѣлуются нѣжнѣй,
А за тѣмъ и разойдутся
По своимъ мѣстамъ.

Каждый день и каждый мигъ,
Лишь останутся вдвоихъ,
Яковъ съ Гапкою подъ дубомъ,
Тожъ да то поютъ.

Такъ почти они весь годъ,
Подлѣ дуба и у водъ
Жизнь счастливу провождали
И завидну жизнь!

Но однажды лютый рокъ
Вздумалъ дать имъ злой урокъ:
Подлѣ Лопани, подъ дубомъ,
Ихъ засталъ Харько.

Онъ давно ихъ подмѣчалъ....
Что въ душѣ онъ ощущалъ,
Голубковъ въ любви поймавши,
Только знаетъ онъ.

Праведный смиривъ свой гнѣвъ,
На холмѣ высокомъ сѣвъ,
Батраку велѣлъ и дочкѣ
Подойти къ себѣ.

Имъ сказалъ такую рѣчь:
„Васъ бы надобно посѣчь,
Но я сдѣлаю особый
Здѣсь надъ вами судъ“.

Разумѣется не такъ
Говорилъ Харько казакъ,
Говорилъ онъ имъ хохлацку,
Не московску рѣчь:

„Я, какъ добрый вамъ отецъ,
Вашей дамъ любви конецъ,
Только, Яковъ, ты мнѣ прежде
Службу сослужи“.

Рѣчь таковская Харька
Показалась имъ сладка.
Яковъ, павши на колѣни,
Первый говорилъ:

„Панъ-Харько, отдай мнѣ дочь,
Я служить тебѣ не прочь
Для Гапуси все исполню,
Что прикажешь мнѣ“.

Гапка въ очередь свою
Рѣчь отцу сплела сію,
Тоже ставши на колѣни,
Какъ ея дружокъ.

— „Милый батю—дорогой,
Будь лишь только Яковъ мой,
Предпринять и я готова
Самый тяжкій трудъ“!

— Встаньте, дѣти, ладно ужъ,
Яковъ, ты ей будешь мужъ,
Ежели ты мнѣ достанешь
То, что я велю:

Поѣзжай-ка въ Ахмечеть—
Ханъ татарскій тамъ живетъ.
Съ бороды его мнѣ мерзкой
Вырви клокъ волосъ.

И сказавъ сіи слова,
Вставъ, украйнскій голова
И съ холма свой путь направилъ
Прямо въ домикъ свой.

Рѣчь ту выслушавъ, батракъ
Пораженъ былъ ею такъ,
Что чрезъ часъ на силу въ память
Съ Гапкою пришелъ.

Осѣдлалъ потомъ коня,
Вмѣстѣ съ Гапкою стеня,
Богатырскіе доспѣхи
Онъ Харька надѣлъ.

Съ Гапкою простясь, съ Харькомъ,
Бѣдный Яковъ нашъ съ конемъ
Въ двѣ минуты съ половиной
Невидимкой сталъ.

Что же Гапка?—Ахъ, она
Тяжко сдѣлалась больна,
Чуть ли не была въ горячкѣ—
Самый сильный бредъ....

А Харьку хоть жалко дочь,
Но не можетъ ей помочь.
Яковъ былъ уже далеко—
Онъ бы ей помогъ.

Тутъ Харько мой въ первый разъ
Слезы выкатилъ изъ глазъ.
Слезы на усы сѣдые
Капали, дробясь.

А по Стехѣ, по женѣ,
Не лились ужель онѣ?
Стеха (съ позволенья)—вѣдьма
У Харька была.

Такъ ее онъ не любилъ,
Потому и слезъ не лилъ.
Матери, отца лишился
Еще въ дѣтствѣ онъ.

Но довольно отступать,
Будемъ сказку продолжать.
Панъ-Харько, поплакавъ, вздумалъ
Якова вернуть.

И Терешку, и Грицка,
Епимаха и Стецка,
Федьку, Власа и Юхима
Всѣхъ послалъ за нимъ.

Каждый лошадь осѣдлалъ,
Вслѣдъ за Яковомъ скакалъ,
Каждый къ ночи возвратился
Безъ богатыря.

Поскакалъ Харько бы самъ
Вслѣдъ по Якова стопамъ,
Но не зналъ, кому Гапусю
Поручить свою.

Что же дѣлать? какъ тутъ быть?
Какъ Гапусѣ пособить?
Ей бѣдняжкѣ очень трудно,
Дышетъ чуть она.

Всѣ Харька любили дочь,
Всѣ хотѣли ей помочь.
„Добрая живи Гапуся“!
Такъ молились всѣ.

Не сердитесь на меня,
Мои милые друзья,
Я прерву въ семъ мѣстѣ сказку
До другого дня.

Завтра тоже вечеркомъ,
Какъ теперь предъ огонькомъ,
Я вамъ славные походы
Яшки разскажу.

Но скажу вамъ напередъ,
Я вамъ славный сей походъ
Разскажу другимъ размѣромъ,
Этотъ надоѣлъ.

II.

Пріятно въ зимній вечерокъ,
Коль у огня друзья полкругомъ
Сидятъ и курятъ табачокъ
И точатъ балы за досугомъ:
Любезность, искренность, любовь
У нихъ въ бесѣдѣ засѣдаютъ,
Изъ нихъ тамъ каждый безъ чиновъ,
Тамъ ближняго не обижаютъ.
Тамъ истина, веселость есть,
Никто въ бесѣдѣ тамъ не связанъ.
Вельможи! что мнѣ ваша честь?
Я къ вашей жизни не привязанъ.
Когда со мной мои друзья,
Когда имъ сказываю сказки,—
Не надобны мнѣ ваши ласки,
Тогда съ друзьями счастливъ я!
Не такъ ли, другъ почтенный, Дмитрій?
Не тоже-ль скажешь, братъ Андрей?
Хоть будь вѣнцомъ украшенъ, митрой,
Но если нѣтъ съ тобой друзей,
Твой жребій стоитъ сожалѣнья.

Ахъ, какъ тогда на свѣтѣ жить,
И съ кѣмъ, скажите, раздѣлить
И радости и сокрушенья?
Но братъ мнѣ Дмитрій говоритъ:
Зачѣмъ, пріятель, ты болтаешь,
Зачѣмъ извѣстное твердишь,
А сказки все не продолжаешь?
Сейчасъ, любезный мой, сейчасъ—
Имѣй немного хоть терпѣнья,
Дай мой исправить ромомъ гласъ
И ты мое услышишь пѣнье.

ЧАСТЬ II.

Знать таки пришли вже годы,
„Щобъ веселымъ буты годи—
„И не можно человику
„Безъ напасти кончить вику.

„Що моя Гапуся робе?
„Можетъ доси вже во гроби!
„Можетъ доси ангелочикъ
„Иі душу взявъ въ райочикъ.

„Якивъ, бидна сиротина,
„Муче зла тебе година,
„Гоне, риже и терзае,
„Съ любой Гапкой разлучае.

„Сдилай милость, смилуйсь долю!
„Прогоны видъ мене болю!
„Потишь мое, порадь, сердце,
„Ему гирько такъ якъ въ перци.

„Колы буде твоя воля,
„Що потишишь мене доля—
„Мабуть я и ворочуся...
„Поживемъ съ тобой, Гапуся!

„Люба Гапка, не журися,
„Лучше Богу помолися,
„Бережи себе, прохаю—
„Я надижду крипку маю".

Такъ пѣлъ Горе-Богатырь,
Мечтой услаждался,
Лошадь въ Куряжъ монастырь
Гнать скорѣй старался.

Сильный дождь и страшный громъ,
Вѣтеръ, градъ и молнья!
Но ужъ виденъ Божій домъ—
Вотъ и колокольня.

Бѣдный Яковъ весь измокъ,
Въ ворота стучится.
Отворить воротъ замокъ
Тамъ монахъ боится.

Громъ сильнѣй межъ тѣмъ гремитъ—
Не щадитъ ударомъ,
Яковъ все сильнѣй стучитъ,
Все однако даромъ.

Отъ него невдалекѣ
Дубъ гнилой свалился.
Больно Якова рукѣ—
Онъ стучалъ, крестился.

Бѣдный Горе-Богатырь,
Всюду неудача:
Не пускаютъ въ монастырь
И убита кляча.

Яковъ жалкій, во слезахъ,
Лошадь обнимаетъ.
Слышитъ стукъ давно монахъ,
Да не отпираетъ.

Пересталъ сердиться громъ,
Молнья не блистала,
Пересталъ дождь лить ведромъ
И погода стала.

Лишь гнилого дуба нѣтъ,
Нѣтъ коня — убитый,
Да нашъ Яковъ не согрѣтъ
И на все сердитый.

Ворота монастыря
Наконецъ открыли,
Мокраго богатыря
Въ ворота впустили.

Обсушили тамъ его,
Славно накормили
И за это ничего
Съ рыцаря не сбрили.

Есть обычай на Руси,
Въ хижинѣ и въ кельи:
Странникъ что ни попроси —
Пить-ли, ѣсть, постели —

Всѣмъ хозяинъ радъ служить—
То черта народа—
Вотъ чего искоренить
Не успѣла мода!

Яковъ у отцовъ гостилъ
День лишь съ половиной,
Два молебна отслужилъ
Въ путь пошелъ съ кручиной.

Ужъ шестой онъ день идетъ—
Крымецъ вдругъ на встрѣчу.
Ѣдетъ гордо и реветъ:
„Дай учинемъ сѣчу“!

— Ахъ, ты, мерзкій басурманъ!
Яковъ восклицаетъ,
Трогать смѣешь христіанъ,
Въ сердцѣ продолжаетъ:

„Нажился, знать, въ жизни сей!
Вотъ тебѣ подарокъ,
Женъ, проклятый, не имѣй
Двадцать пять татарокъ“!

Тотчасъ гордаго пронзилъ
Въ самую печенку
И съ поспѣшностью вскочилъ
На его кляченку.

Тутъ хотѣлъ бы покривить
Рыцарь нашъ душою,
Но татаринъ былъ обритъ,
А не съ бородою.

Хоть не хочетъ, но впередъ
Скачетъ по неволѣ.
Какъ на зло ему бородъ
Нѣту въ чистомъ полѣ.

Скачетъ день и день еще,
Полонъ нетерпѣнья —
Ищетъ бороды вотще —
Видитъ лишь каменья.

Кончимъ здѣсь вторую часть,
Замолчимъ—ни слова.
Коль случится намъ попасть
Въ сказочники снова,

Слово вѣрное даемъ
Кончить бѣдныхъ муки—
Непремѣнно допоемъ
Якова всѣ штуки.

ЧАСТЬ III.

Годи, Гапонька, не плачь,
Любая дивчина!
Якивъ вернется, усачъ,
Гарный парубчина.

— Батюшка, отецъ Исакъ,
Порука за мене:
Коли вернется батракъ,
Батько васъ ожене.

— Годи-жъ, Гапко, не жалкуй,
Не плачь якъ старухи,
Съ панъ отцемъ насъ почастуй,
Свари варенухи!

Дочь Харько такъ утѣшалъ,
Да и самъ кривился,
Попъ Исакъ его прервалъ,
Къ Гапкѣ обратился.

— Годи плакати тоби,
Хиба дила тильки?
Гарныхъ галушокъ зроби,
Та подай горилки!

— Ось тоби моя рука,
Не гораздъ брехаты,
Швидко будешь казака
Въ вичи цилуваты!

Гапка слезы отерла,
Мило улыбалась,
Въ мигъ горилки принесла,
Угощать старалась.

— Кушайте-бо, панъ отецъ,
Гапка говорила,
Ось вамъ борщъ и холодецъ,
Ось и медъ съ барила.

— Панъ Исакъ, ось галушки,
Гарны варенyци,
Ось тоби маковики
И сметана въ мисци!

— Ось тоби и гарбузкивъ,
Оришкивъ каленыхъ,
На здоровье шуликивъ
И кислицъ моченыхъ.

Всѣмъ-бы рада угостить
Добрая Гапуся
Лишь бы только возвратить
Яшку-черноуса.

И Харько зѣвнулъ не разъ—
Члены ослабѣли,
Щурилъ часто лѣвый глазъ,
Думалъ о постели.

Черезъ полчаса потомъ,
Съ квартою простился—
И не думая о томъ,
На постель свалился.

Хоть Харько и втрое пилъ,
Угощая гостя,
Но имѣлъ довольно силъ
Лечь тамъ на помостѣ.

Въ прежни годы этотъ панъ,
Пивши дни и ночи,
Не бывалъ отъ роду пьянъ—
Нѣтъ теперь той мочи.

Какъ десятковъ стукнетъ пять,
Хоть не радъ, слабѣешь,
Гдѣ тогда ужъ куликать—
Отъ одной пьянѣешь!

Что-же Гапка? Все груститъ,
Все о миломъ тужитъ...
„Ахъ, когда-то, говоритъ,
Милый мой отслужитъ“!

Съ этой мыслію идетъ
Къ вѣковому древу,
Гдѣ бывало къ сердцу жметъ
Яковъ милу дѣву.

„Ахъ, прошли счастливы дни,
Скоро пробѣжали,
Какъ бывало мы одни
Здѣсь съ тобой пѣвали“!

„Не забыть минуты злой,
Какъ подъ этимъ дубомъ
Батюшка любезный мой
Подстерегъ насъ съ другомъ“

—„Съ той минуты счастья нѣтъ,
Нѣтъ душѣ покою,
И не милъ мнѣ Божій свѣтъ,
Я съ лихой тоскою“.

„Ночь не сплю, таскаюсь день,
Упованье ложно—
Нѣтъ опять попасть подъ сѣнь
Счастья невозможно“!

„Кто счастливъ былъ съ юныхъ лѣтъ,
Въ зрѣлые тотъ годы
Долженъ горе, грусть терпѣть—
То законъ природы“!

Такъ о счастіи своемъ
Гапка говорила,
Но не русскимъ языкомъ,
А своимъ судила.

Здѣсь лишь слабый переводъ
Мыслей Гапки вѣрный —
На ея языкѣ ходъ
Чувствъ былъ безпримѣрный.

Побожиться я готовъ,
Дѣвушки россійски,
Говоритъ сама любовь
По малороссійски.

Нѣтъ нѣжнѣе языка,
Да наврядъ и будетъ;
Хохликъ просто и слегка
Объясняться любитъ.

Ежели вздыхаетъ онъ —
Вмѣстѣ съ нимъ вздыхаешь;
Если плачетъ и смущенъ,
Такъ и ты рыдаешь.

Если-жъ счастливъ онъ—въ рѣчахъ
Выражаетъ сладость
Такъ пріятно, что въ очахъ
И у прочихъ радость.

Но не кстати сей трактатъ
Здѣсь я помѣщаю...
Красны дѣвы, — виноватъ—
Глупо отступаю.

Что вамъ нужды до хохловъ,
Милъ французъ вамъ втрое —
Такъ оставлю земляковъ
Добрыхъ я въ покоѣ.

Лучше съ Гапкой посижу
Я у дуба, рѣчки,
Вмѣстѣ съ нею потужу
Объ ея дружечкѣ.

Раздѣлить готовъ съ тобой,
Гапка, всѣ печали.
Знать ужъ суждено судьбой,
Чтобы мы страдали.

Ты разсталася съ дружкомъ,
Я лишился милой,
Ты въ надѣяньи большомъ
Быть еще счастливой.

Ахъ, твой другъ еще живетъ,
И сію минуту,
Можетъ быть, къ тебѣ идетъ
Кончить горесть люту.

Солнце спряталось за лѣсъ,
Мѣсяцъ показался,
А ручей у Гапки слезъ
Все не осушался.

И съ поникнувшей главой
Гапинька сидѣла.
И итти она домой
Долго не хотѣла.

Воронъ каркать пересталъ,
Предалось все тиши,
Ужъ и пугачъ не кричалъ,
Не летали мыши.

— Вся теперь природа спитъ,
Я лишь сиротина,
Отъ которой сонъ бѣжитъ,—
Лишь со мной кручина!

— Да и можно-ль мнѣ уснуть,
Гапка продолжаетъ:
Можетъ Якова убьютъ—
Кто объ этомъ знаетъ?

— Или можетъ быть теперь—
Все случиться можетъ—
Якова рветъ дикій звѣрь—
Кто ему поможетъ?

— Можетъ быть... Но этихъ словъ
Гапка не скончала
И, заснувъ, отъ страшныхъ сновъ
Бѣдная страдала.

Снится Гапкѣ, что она
Надѣваетъ латы—
И, отважности полна,
Вонъ бѣжитъ изъ хаты.

Сѣвъ поспѣшно на коня,
На татаръ стремится,
Мнится ей, что ханъ, стеня,
Передъ ней валится.

— Нѣтъ пощады, бусурманъ,
Жить не будешь болѣ,
Коль мой другъ отъ тяжкихъ ранъ
Умираетъ въ полѣ.

— Смерти только, смерть одна
Можетъ быть награда.
Всѣхъ возьметъ васъ сатана
Въ преисподню ада!

Съ словомъ симъ, она копьемъ
Хана уязвляетъ
И татаръ всѣхъ палашемъ
Какъ траву ссѣкаетъ.

Послѣ съ лошади встаетъ,
Поспѣшаетъ къ другу
И страдальцу подаетъ
Тщетную услугу.

Бѣдный Яковъ! весь въ крови,
Изъязвленъ, не дышетъ
И нѣжнѣйшихъ словъ любви
Мертвый не услышитъ.

— Яковъ умеръ! Полно жить!
Нѣтъ существованья!
Пусть желѣзо прекратитъ
Всѣ мои страданья.

Кончивъ, Гапка, эту рѣчь,
Злобно усмѣхнулась,
Въ грудь себѣ вонзила мечъ
И.... потомъ — проснулась.

Что-жъ, проснувшись, Гапка зритъ?
Сладко пробужденье:
Яковъ передъ ней стоитъ...
Всѣмъ бѣдамъ свершенье.

И коробочку въ рукѣ
Съ ханской бородою
Зритъ у друга на шнуркѣ
Съ радостной душою!

Пой, Баянъ! Восторгъ души,
Упоенно чувство
Нашей Ганки опиши —
То твое искусство!

Я жъ не въ силахъ описать,
Не стыжусь признаться;
Лучше кстати замолчать,
Нежели провраться.

ЧАСТЬ IV.

Читатель вѣрно хочетъ знать,
Какой счастливою судьбою
Случилось Якову достать
Коробку съ ханской бородою?
Какъ жаль, что подвига сего
Не сохранило намъ преданье,
И лѣтописецъ ничего
Не говоритъ о семъ дѣяньи.
Извѣстно только, что батракъ
Домой чрезъ мѣсяцъ воротился
И предъ Харька веселый зракъ
Со вражьей бородой явился
И такъ осадчему сказалъ:

„Харько, ты далъ приказъ мнѣ панской,
„Чтобъ я волосъ тебѣ досталъ
„Изъ бороды поганой ханской,
„Возьми — вотъ ханска борода
„И на прибавку хански усы!
„А мнѣ дай слово: навсегда
„Отдать мнѣ рученьку Гапуси“.
Харько съ улыбкой на устахъ
Взялъ отъ него дары безцѣнны,
А Яковъ съ Гапкою въ слезахъ
Предъ нимъ упали на колѣны.
Харько съ довольствомъ поднялъ ихъ
И тутъ же далъ благословенье,
И попъ счастливцевъ молодыхъ
Вѣнчалъ по утру въ воскресенье.

27 февраля 1815 г.